

Вернется ли в Россию Набоков?

Новые известия — 1999 — 24 апр. — с. 7

Он обогнал не только русскую, но и мировую литературу. Борхес, Маркес, Умберто Эко, Павич, Гессе, как бы далеко они ни шагнули, их шаг только приблизил к Набокову. А ведь начинал он как добропорядочный ученик Бунина. Среди почитателей Набокова есть и сегодня многие, забуксовавшие в реализме «Машеньки» и не желающие знать ничего другого. Примерно столько же обрели вечный душевный покой в «Других берегах». Отсев читателей и почитателей начинается с «Лолиты». Раньше других отпал комитет по Нобелевским премиям, дружно не заметивший крупнейшего прозаика середины века. Впрочем, сам Набоков не желал иметь ничего общего ни с временем, ни с пространством, в котором ему приходилось жить. Милостивее других обошелся с дореволюционной Россией, которую покинул в юности, да и то только потому, что справедливо считал этот детско-отроческий рай Атлантидой, навсегда затонувшей в крови в Крыму, где во всех оврагах и катакомбах расстреливали из пулемета его одноклассников. Новых друзей не было и быть не могло. Самый близкий из них, отец, убит террористами уже в эмиграции. Отцеубийство, мужеубийство, женоубийство, убийство короля — постоянные темы его романов.

Он создал по-настоящему аристократическую прозу, где так называемая реальность допущена только в прихотью и в лакейскую. Достоевский весьма предусмотрительно заставил Смердякова удавиться именно в этих пределах. Думал ли, что скоро, очень скоро «удавленник» удавит всех Карамзовых, сколько бы они ни орали, а сам поселится в их покоях?.. Лолита Набокова — это и «босоножка» Федора Карамзова, и девочка-проститутка в видениях Свидригайлова, и Недотыкомка Сологуба.

По сути дела, русская эмиграция не приняла ни европейскую, ни американскую цивилизацию. Традиция ругать страны, предоставлявшие приют и защиту политическим изгнанникам, не изменилась от Герцена до Набокова. Это говорит о каком-то существенном психологическом ущербе в нашем национальном характере. Так или иначе, но сердцу не прикажешь, и англоязычный Набоков не полюбил ни одну из стран, в которых он жил. Только Англия избежала набоковского сарказма. Франция, Германия, США существуют в его прозе, как ильфов-

ский край непуганных идиотов. Разумеется, предфашистская Германия ничего другого и не заслуживала, но США-то чем провинились? Тем, что они существуют на земле и в реальности, а Набоков — нематериальный агностик, только внешне похожий на остальных людей. В отличие от своего героя из «Приглашения на казнь» писатель никогда не скрывал свою нематериальность. Наука о бабочках, шахматные этюды и даже история русской литературы, преподаваемая в американском захолустье, — все это лишь варианты завораживающей игры в бисер, щедро рассыпаемый Набоковым перед свиньями, вопреки евангельскому запрету. Он в равной мере не любил все религии и все идеологии — от христианства до буддизма, от марксизма до фрейдизма. В предисловии к «Лолите» он потешается и над картонными казаками с игрушечными саблями («Тихий Дон»), и над переживаниями интеллигентного доктора («Доктор Живаго»), и над многопудовыми фолиантами Томаса Манна на библейскую тему («Иосиф и его братья»). Без насмешек над Толстым или Достоевским не обходится ни один роман. Вопрос вопросов: почему Набоков пощадил Пушкина? Впрочем, в романе «Ада» разыгрывается пьеса, где на сцене пляшут казаки, а сердобольная няня, похожая на эскимоску, сидит на матросском сундуке.

Каждый из его романов — это эротический рай, который по неумолимым законам жанра перерастает в ад. Ад в раю, рай в аду, любимая набоковская игра. Он не может относиться серьезно ни к жизни, ни к смерти, но эрос и страсть — это всегда значительно и прекрасно. Набоков не раз высмеивал русскую классику за полное неприятие эротизма и растворение его в психологических изысканиях. Однако и фрейдовская грубятина приводила его в ярость.

Никто не умел говорить об эросе с таким изяществом и вкусом, даже явный предшественник Набокова Габриеле д'Аннунцио.

Этого было вполне достаточно для русской эмиграции, чтобы не считать Набокова русским писателем. Его осуждают все и вся. Православные за безбожие, революционеры за равнодушие к их борьбе, реалисты за нереалистичность и все вместе за безнравственность. И сегодня чудовищно обезображен экранизация «Лолиты» роман, принесший писателю мировую славу. Для Гумберта самым жутким кошмаром была девушка старше 14 лет (заметим, что Джульетте Шек-

спира как раз 14). Знал ли писатель, что именно этот кошмар материализуется в фильме, где Лолиту превратят в то, что в устах Гумберта звучит, как ругательство, в «студентку колледжа». Из трехчасового фильма вырезали все, что приближало к Набокову. Получилась сладенькая кастрированная мелодрама. Но зачем фильм, если есть роман. Станный роман. Страстный роман. Конечно, взрослых мужчинам нельзя любить нимфеток. Впрочем, нельзя запретить любить. В жизни можно, а в литературе нельзя. Да и что такое любовь Гумберта с Лолитой по сравнению с оргиями маркиза де Сада? Пастушеская идиллия.

Набоков всячески пытался убедить себя и других, что он не эмигрант, а человек мира, чувствующий себя везде, как дома. Но одинокий профессор Пнин в США, но тропинка, убегающая к русской границе в «Подвиге», но ужасающий неуют всех отелей и пансионов во всех романах, не говоря уже о «Других берегах», написанных как бы в перекличку с Герценом, написавшим в эмиграции мемуары «С того берега» («Um andere Ufer»)...

В отличие от Герцена Набоков оплакивает не покинутую, а навсегда погибшую Россию. Не Россию, которую мы потеряли, а Россию, которой уже никогда не будет (а,

может, и не было). В «Бледном пламени» в видениях короля-изгнанника возникает некий снежно-ледяной рай уже не как нечто существовавшее, а, скорее, как игра воображения.

Набокова раздражали русские антисоветские анекдоты. «Лакеи украдкой смеются в лакейской над господами». Тем не менее он мгновенно замечает все живое и талантливое в русской литературе. Не принимая никого из советских писателей, он делает исключение для Беллы Ахмадулиной и встречается с ней незадолго до своей кончины. Публикация этого интервью в 70-х годах в «Литературной газете» казалась чудом. Ведь все под запретом — и эмигрант Набоков, и сама Ахмадулина, и факт встречи «советской» поэтессы с «белоземлемым» эмигрантом. Заметил Набоков талант Саши Соколова и обеспечил ему своим положительным откликом заслуженный литературный успех. Но вообще-то он явно с гулливеровской высоты смотрел на липутскую литературную возню своих современников. Имел на это полное право, потому что был гением и ясно сознавал свою гениальность. Иначе не написал бы «Защиту Лужина», где шахматный гений видит всю жизнь, как шахматную доску с черно-белыми квадратами, а людей бессмысленно переставляет.